

АННА
ПАТМАНОВА

ФЕЙКИ

и

РОК-Н-РОЛ

18+

Анна Ратманова

Фейки и рок-н-ролл

<https://litres.ru/74602893>

SelfPub; 2026

Аннотация

В последний раз я видела его на сцене. Под проливным дождём, сквозь море поднятых рук. Он пел, а мне было семнадцать, и я всерьёз верила, что некоторые песни способны спасти человеку жизнь.

Спустя годы моя мечта познакомиться с ним исполнилась самым издевательским образом...

Глеб Воронцов больше не даёт концертов и не пишет песен. Ненавидит камеры и людей, которые задают лишние вопросы. ОСОБЕННО МЕНЯ, превратившую его убежище в проходной двор со съёмочной техникой, чужими голосами и искусственным светом.

Ему нужно, чтобы я исчезла из его дома. Мне нужно спасти свою компанию и не позволить бывшему отнять всё, ради чего я работала.

Но по ночам сквозь стены старой усадьбы слышны самые неожиданные вещи. Иногда — чужие разговоры. Иногда — то, о чём мы оба предпочли бы молчать.

А однажды там снова начинает звучать музыка.

Содержание

Глава 1. Случайный эфир	4
Глава 2. Отрезанное крыло	16
Глава 3. Тонкости гостеприимства	26
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна Ратманова

Фейки и рок-н-ролл

Глава 1. Случайный эфир

*Реклама — это искусство задержать
работу человеческого разума ровно
настолько, чтобы успеть получить с
него деньги*

Стивен Ликок

В Белой спальне подмосковной усадьбы Кочубеев солнце этим вечером работало от розетки. От его ровного, неподвижного тепла, пахнувшего калёным металлом и нагретой пылью, у меня разболелась голова.

Я стояла у режиссёрского монитора, не выпуская из ладони телефон. На экране, под синим логотипом банковского приложения, бодро крутилось колесико загрузки. Секунда, другая, третья. «Запрос обрабатывается». Система зависла с той ленивой жестокостью, с которой сытый банк обычно сообщает о скорой финансовой кончине твоего бизнеса. На балансе «Аура Групп» оставались крохи. Их едва хватало на то, чтобы оплатить аренду усадьбы. Сорвись хотя бы один проект из осеннего съемочного пула — и кредиторы просто закатают нас в бетон судебными исками.

– Костя, ради бога, сбавь темп, – сказала я в рацию, стараясь не выдать дыханием дрожь. – У тебя в кадре не ураган в промзоне, а утро топового блогера. Качни ветку аккуратнее.

За высокими, забранными в старый свинец окнами хмурый Костя, стоя на террасе, покорно перехватил массивный тополиный сук перед киловаттным прожектором. Плотный световой столб качнулся, и по стенам Белой спальни поползли глубокие, сонные тени майского полудня.

Настоящий май кончился полгода назад. На дворе стоял сырой глухой ноябрь, стрелки часов перевалили за половину восьмого вечера, а за границей нашего искусственного лета давно сгустилась фиолетовая подмосковная темнота. Восемь взрослых людей прямо сейчас производили гляцевую иллюзию, снимая спонсорский выпуск авторского шоу Кристины Голд «Мое идеальное утро».

Чуть левее от меня ассистент реквизитора с ожесточением обдувал тяжелые льняные простыни строительным феном. Это был особый, извращённый ад: сначала дорогой итальянский лен выглаживали до состояния зеркала, а потом вручную формировали у изножья кровати, имитируя «дорогую небрежность». Чуть пережмёшь, и в кадре покажется банальная бытовая помятость. Недожмешь – выйдет казённый гостиничный номер.

– Мои хорошие, я не могу транслировать поток, пока у меня в поле зрения этот жуткий пафос, – раздался с кровати мягкий и неторопливый голос Кристины. Она лежала в

шелковом халате цвета шампанского, и ткань мягко собиралась вокруг бедер и локтей, ловя теплый свет. Волосы рассыпались по подушке так естественно, будто она проснулась именно в эту минуту. Я-то знала, сколько времени стилист добивался этой естественности и сколько лака теперь держало каждый якобы случайный локон на своем месте.

Кристине было тридцать два, но её многомиллионная аудитория свято верила в её «вечную весну» и способность притягивать миллиарды через правильную чистку внутренних ресурсов. Я засунула телефон в карман и шагнула на съемочную площадку.

– Что не так, Крис?

Она изящно двинула подбородком в сторону серебряного подноса, который реквизиторы выставили у её ног.

– Этот фарфоровый чайник! Просто дешевый прогрев на богатом. Яночка, забей, это старый сценарий. Подписчики этот фальшивый вайб за секунду считают. Оставь просто стакан теплой воды с лимоном.

Наш реквизитор за моей спиной судорожно вдохнул, готовый высказать всё, что он думает об аристократах духа, но я остановила его коротким движением ладони.

– Чайник убираем. Вода с лимоном визуально чище. Меньше шума, больше воздуха в кадре.

Фарфор утащили. Кристина благодарно прикрыла веки, возвращаясь в образ только что проснувшейся богини. При всей этой коучинговой шелухе, у неё была пугающая житей-

ская хватка. Она безупречно просчитывала аппетиты своих подписчиков. Эпоха вульгарного глянца и выставленного напоказ изобилия прошла, ей на смену пришёл тренд на тихий премиальный минимализм, за который люди были готовы платить втрое больше. И эта старая усадьба – с её широкими каменными лестницами, прохладой залов и патиной на зеркалах – подходила идеально. Этой осенью она была моим спасательным кругом.

«Нельзя бесконечно тащить весь продакшн на собственном упрямстве. Однажды твой запас прочности просто иссякнет, а твой Антон заберет компанию за бесценок», – вспомнились мне вчерашние слова Кристины. Легко рассуждать о запасе прочности, когда твой рекламный контракт стоит как три моих съемочных пула.

Я вернулась к режиссерскому монитору. В углу спальни, на высоком штативе, сиротливо замер рабочий айфон. Наш сммщик Рома должен был писать на него бэкстейдж, но сам Рома пять минут назад ушёл на кухню колдовать над безлактозным латте для Кристины. Экран телефона был тёмным.

– Внимание, приготовились к дублю! – скомандовал режиссер. Кристина лениво потянулась, за окном замер с веткой Костя, как вдруг мой собственный телефон в кармане мелко и непрерывно завибрировал. Следом пискнул аппарат у режиссера. Потом – у звуковика. Я вытащила трубку. На экране горело системное уведомление: «Кристина. Осознанность запустил(а) прямой эфир».

– Что за чертовщина?... – пробормотала я, переводя взгляд на кровать. Кристина лежала в кадре, вытянув руки над головой. Её личный мобильный лежал на тумбочке в трёх метрах от неё. Я резко обернулась к штативу в углу спальни. Дисплей айфона горел ярко-красным. Белые строчки комментариев летели вверх с такой скоростью, что сливались в сплошную полосу, а снизу поднималась лавина розовых сердечек.

Эфир шёл.

Прямо сейчас.

На всю многомиллионную армию подписчиков.

Камера, выставленная на широкий угол, безжалостно транслировала всю изнанку нашего люкса. Весь мир видел фиолетовую ноябрьскую ночь, бьющий в стекло прожектор, Костю в открытом окне, который от неожиданности застыл с тополиным суком в позе испуганного оленя, и ассистента со строительным феном, замершего у изножья кровати. Первой опомнилась Кристина. Она скосила глаза на штатив, и на одну долю секунды её благостное выражение лица полностью исчезло. Я обомлела: на меня из кадра посмотрела женщина с железной волей и стальным взглядом Юлия Цезаря, за секунду до того, как он перешёл Рубикон и понял, что мосты сожжены. Маска вернулась мгновенно.

Кристина чуть развернула плечо к объективу для идеального ракурса и томно произнесла:

– Ну что, мои хорошие, вы ведь не думали, что моё утро начнётся без сюрпризов?

Я подлетела к штативу, пальцы скользили по пластику. Первым импульсом было вырубить это к чертям, удалить, спрятать. Но счетчик зрителей наматывал круги: тысяча, две, пять... Охват взлетал ракетой. Злость на того, кто пробрался на площадку, обожгла горло, но мозг сработал быстрее паники. Да, это был неуправляемый форс мажор, ломающий все договоренности с брендом, который рекламировала Кристина. Но если действовать быстро, эту катастрофу еще можно было выкрутить в нашу пользу. Я опустила глаза на экран, читая летящий чат:

«У меня эфир лагает или так и должно быть?»

«Скриньте чат»

«Верните человека с веткой в кадр! Я теперь слежу только за его карьерой»

«18.27 Ахахахахахаха!! Идеальное утро!».

Я дождалась, пока Кристина выдаст красивый экспромт про то, что «правда – это новая роскошь», и только тогда жестко рубанула трансляцию. В спальне повисла мертвая тишина.

– Кто это сделал? – я обернулась к группе. Голос вибрировал. – Рома! Ты оставил телефон на трансляции?

Прибежавший со стаканом латте ассистент побледнел:

– Яна Игоревна, клянусь, он был заблокирован! Там же пароль!

– На трансляцию свайпом можно выйти без пароля, – хмуро бросил оператор Денис, отрываясь от окуляра. – Из наших

никого рядом не было. Кто-то зашел со стороны коридора, ткнул в экран и ушел.

– Разберемся позже, – отрезала я, хотя внутри всё кипело от ощущения чужого, наглого вмешательства. – Собираем свет, перебазировемся в галерею.

Спустя сорок минут мы заканчивали выставлять кадр в длинной перекрестной галерее, соединяющей парадную анфиладу с закрытым крылом. Съёмочная группа, привычная к ненормированному графику, работала слаженно, предвкушая возвращение домой после рабочего дня. Я контролировала процесс через плейбэк, на который в реальном времени транслировалась картинка с камеры Дениса.

Кадр вдруг резко сменился. Вместо тёплого, вылизанного ассистентами интерьера в мониторе вспыхнула глухая серость. Оператор заигрался в Тарковского. Ведя камеру на гидравлическом кране, Денис медленно пятился затылком вперед, выстраивая сложный пролёт и совершенно не заметил, что пересёк границу галереи и вывалился прямо в закрытое западное крыло.

Эта часть усадьбы сдавалась отдельно, как жилая зона. По договору там находился другой собственник, и любые съёмки, как и присутствие нашей команды были исключены. Но в плейбэке уже всюду ползла облупившаяся лепнина чужого коридора, покрытая слоем вековой пыли.

Я бросила рацию на стол и пошла доставать Дениса из чужого пространства, на ходу застёгивая молнию на худи. От-

резать увлекшегося оператора от запретной зоны до того, как он успеет расколотить что-нибудь ценное, — моя базовая рабочая обязанность.

Дверь в коридор западного крыла была приоткрыта. За ней пахло сухим старым деревом и тем специфическим ледяным покоем, который бывает только в домах, где давно никто никого не ждет. Денис стоял спиной ко мне, вскинув тяжелую камеру на плечо.

— Дэн, заверни кран назад, — тихо, но жестко сказала я ему в спину. — Мы здесь не снимаем. Давай назад.

Он не успел. В конце коридора, где анфилада уходила в полнейшую темноту, скрипнула половица.

Этот звук не был кинематографичным. Он был сухим, коротким и очень настоящим. Мрак за порогом галереи шевельнулся, неохотно выпуская чужака из своих глубин. Шаг, ещё один — и из темноты, заполняя собой всё пространство перед объективом оператора, вышел человек. Мой мозг, только что подбиравший варианты оправдания для нашего вторжения, мгновенно заблокировал все мыслительные процессы. На периферии сознания ещё мигал монитор плеейбэка, но я уже не видела цифр. Внутри воцарилась противояственная, звенящая тишина — наверное так бывает, когда на полной скорости понимаешь, что тормоза отказали.

Человек передо мной был безошибочно узнаваем, хотя время обошлось с ним без всякого почтения к его былому величию. Глянец старых журнальных обложек, которые я ко-

гда-то бережно разглаживала утюгом через марлю, осыпался. Мужчина перед нами был слишком худым, угловатым, с резкими, словно наспех вытесанными топором скулами и тяжелым, колючим взглядом. В его небрежно отросших темных волосах тускло, как соль, поблескивали первые жесткие нити седины, а трикотажный кардиган выглядел так, будто всё лето провисел на бельевой веревке.

Но это был он. Глеб Воронцов, бессменный фронтмен одной из самых популярных рок-групп нулевых. На долю секунды я снова стала семнадцатилетней девчонкой, которая стояла в фан-зоне под проливным дождём, срывая голос под аккорды его гитары. Я знала каждую его интонацию. Его песни когда-то были убежищем от реальности и заполняли весь мой мир... Ирония судьбы заключалась в том, что сейчас этот мир сжался до размеров запыленного подмосковного коридора.

Глеб остановился в трех шагах. На его лице не было ни удивления, ни злости. Только глухая, брезгливая усталость хозяина, обнаружившего в кровати постельных клопов. Он мельком мазнул взглядом по моему лицу, безошибочно зафиксировав секундную заминку – эту глупую фанатскую судорогу, которую я не успела спрятать. На его губах тут же проступила тонкая, злая складка. Он явно решил, что я – очередная запоздавшая сталкерша, нашедшая его по старому геотегу.

А потом его взгляд упал на плечо Дениса. Туда, где на кор-

пусе нашей арендованной камеры Сооке тускло и ритмично пульсировал маленький красный огонек записи.

И вся его ленивая брезгливость исчезла.

Это произошло так быстро, что мозг не успел обработать команду опасности. Глеб изменился в лице, став похожим на затравленного, но смертельно опасного зверя, которому в глаза направили ружейный фонарь. Короткий, хищный выпад вперед – без замаха, без предупреждения. Его длинные пальцы намертво, до белых суставов, вцепились в обвесы камеры...

Глава 2. Отрезанное крыло

Настоящее утро оказалось злым. Оно не спрашивало, подходит ли мне свет, и не соглашалось подождать визажиста.

В семь тридцать за окнами Белой спальни висело плотное, свинцовое небо, а мокрые ноябрьские липы хлестали ветками по стеклу. Усадьба, ещё вчера за хорошие деньги умевшая изображать сентябрьскую Италию, сегодня честно была Подмосковьем после затяжного дождя. Я стояла босиком на холодном паркете, баюкая в ладонях чашку с остывающим суррогатным кофе, и в третий раз перечитывала письмо от клиента, пришедшее десять минут назад.

Съемку переносили на два часа раньше. Не «можно ли» и не «как вам будет удобнее». Менеджер бренда косметики уже съезжал со МКАДа, реквизитор распаковывал спонсорские коробки, а генеральный директор — человек, для которого расписание остального человечества было чем-то вроде прогноза погоды — неожиданно освободился до полудня и пожелал посмотреть на интеграцию своего продукта лично.

Это превращало наш спокойный, размеренный монтаж к одиннадцати в судорожную сборку к девяти пятнадцати. А мой вчерашний план не шуметь возле западного крыла — в красивую, благородную и совершенно бесполезную мысль.

Я открыла мессенджер. Сверху висело вчерашнее сообщение с незнакомого номера — без приветствия, подписи и

лишних знаков препинания: «С девяти до одиннадцати у меня запись. Не шуметь во внутреннем дворе и западном коридоре». Глеб явно не собирался тратить лишние буквы на вежливость, а мой номер, судя по всему, слил ему Кочубев-младший, откупаясь от разгневанного совладельца. Мои пальцы быстро отстучали ответное: «Срочное изменение у клиента. С 9:00 будет шумно примерно час. Извините». Сообщение так и осталось неп прочитанным.

К половине девятого я уже стояла во дворе. Ноябрьский воздух, пропитанный сыростью и запахом прелой листвы, мгновенно пробрал сквозь джинсы и куртку. Двор усадьбы напоминал разорённый муравейник, где вся наша съёмочная группа пыталась уложиться в жесткий цейтнот: трое нанятых на смену разнорабочих волокли фанерные выгородки, заспанный Рома настраивал резервный айфон для очередного бэкстейджа, а Кристина, укутанная в пуховик-одеяло, сидела на обледенелых ступенях крыльца и с мрачным, деловым удовольствием записывала «настоящее сторис» для своих подписчиков, упаковывая дефицит сна в очередную лекцию про дзен-поток.

— Панель заносите через служебный вход, — сказала я бригадиру, мрачно прикидывая, пройдет ли через главный вход массивная фальшстена, призванная закрыть музейные обои. — Сначала каркас, потом стену. И, ради бога, давайте потише, звук идет по анфиладе как по трубе...

Договорить я не успела.

Один из рабочих на разгрузке не удержал скользкий от измороси край. Металлическая рама сорвалась с борта фургона, скрежетнула по обшивке и с глухим, чудовищным грохотом рухнула прямо на старую брусчатку двора. Звук был такой, словно в десяти метрах от нас обвалился кусок железнодорожного моста.

Я зажмурилась. В тишине было слышно, как на секунду захлебнулся и снова выровнял обороты дизельный генератор на улице.

И в эту же секунду усадьба умерла.

В Белой спальне, где через открытые двери были видны наши осветительные приборы, мгновенно погас свет. Щелкнули и затихли тепловые пушки, погасли мониторы. Лихтваген на улице продолжал молотить, но вся внутренняя бытовая сеть дома — розетки, точки зарядки и насосы — отключилась в один миг.

Глеб не вышел ругаться. Он не стал тратить слова. Он просто опустил главный рубильник на своей половине щитовой, полностью обесточив парадную анфиладу. Съемка, до которой оставалось сорок минут, была парализована.

— Яна Игоревна, у нас щиток отрубил!! — крикнул Денис, заглядывая в темный коридор. — В доме вообще ноль!
— Ждите здесь. Никому ничего не трогать.

Я пошла к западной двери, чувствуя, как внутри под курткой разливается холодная, злая сосредоточенность. Отрезать Глеба от возможности сорвать нам контракт — теперь это

была задача выживания компании.

Тяжелая дубовая дверь поддалась с глухим сопротивлением, впервые впустив меня на чужую территорию. Шагнув за порог западного крыла, я словно оказалась в пространстве с другой плотностью воздуха: здесь не было съёмочной суеты и пахло ледяной хирургической чистотой аптечного антисептика.

Глеба я нашла в бывшей малой гостиной, переоборудованной под домашнюю студию. Он сидел спиной к двери, развалившись в старом кожаном кресле. На нем были огромные студийные наушники. На столе перед ним тускло светились три монитора с ровными дорожками аудиосигнала. Чуть в стороне стоял высокий мужчина в черной толстовке с планшетом — тот самый звукорежиссер из его группы.

Я не стала стучать. Просто подошла и положила ладонь на край стола, прямо перед монитором. Глеб не вздрогнул. Он медленно снял наушники, опустил их на шею и повернул ко мне лицо. В его графитово-серых глазах не было вчерашних эмоций — только ледяная, звенящая пустота.

— Вы нарушаете границы, — сказал он сухо и абсолютно спокойно. — И правила дома.

— А вы обесточили дом, — я не убирала руку со стола. — Верните свет. Через тридцать минут здесь будет генеральный директор бренда. У меня контракт.

Глеб качнул головой, и его губ коснулась едва заметная, жесткая складка.

— Мне плевать на твой бренд, — Глеб поднялся с кресла, оказавшись намного выше меня, и навис так близко, что его тень полностью перекрыла свет от мониторов. — Мы сорок минут выстраивали звук. Нам оставалось дописать восемь тактов, когда из-за вашего грохота задрожали стекла. Всё к чёрту. Мне нужна тишина в этом доме, ты понимаешь?

— Клиент перенес съемку сегодня утром, я написала сразу, как узнала! — голос против воли пошел вверх, но я удержала его на грани. — Весь продакшн встанет из-за одного рубильника!

— Тогда научи своих людей носить декорации без грохота. У вас есть ровно полчаса, пока мой звуач чистит дорожки от вашего погрома. Но если твои гении уронят ещё хоть одну железку — я просто запру сквозные двери в галерею на засов. Свои кабели будете таскать в обход.

Он мазнул по мне взглядом, словно я была надоедливym насекомым, и снова натянул наушники на уши. Мужчина с планшетом за его спиной сочувственно пожал плечами и сделал жест, будто смахивает пот со лба.

— Тридцать пять минут, Яна. Время пошло. Я развернулась и почти выбежала из студии.

Фальшстена не проходила. Входной проем оказался достаточно большим, а вот служебная лестница за буфетной, наоборот, была слишком узкой — деревянные ступени и крутой поворот под прямым углом намертво заклинили всю конструкцию. Трое рабочих матерились вполголоса, пытаясь

развернуть каркас.

— Давайте попробуем через зимний сад, - предложила я, понимая, что еще одна попытка протиснуться через главный вход закончится содранной штукатуркой.

В зимнем саду утром было прохладно. Дождь сделал огромные стеклянные купола крыши матовыми, а старые чугунные колонны казались черными. Пол здесь был выложен мелкой геометрической плиткой, а возле самого прохода высилась огромная, уродливая керамическая кадка с засохшей пальмой, сужая пространство до полуметра.

— Выше берите! — кричала я, шагая сбоку от рабочих. — Не зацепите стекло! К рабочим присоединился Рома и уже вчетвером они перли тяжелую, трехметровую стену, обливаясь потом в своих куртках. В самом узком месте, прямо возле кадки, один из парней наступил на скользкий мокрый лист, его ботинок поехал по плитке, и он с коротким матом упустил свой край.

Тяжелая фанерная конструкция плавно и страшно качнулась прямо на меня. Я чисто автоматически выставила ладони вперёд, упираясь в шершавое ребро и понимая, что если не удержу этот вес, фанера просто сошьёт меня с ног и с размаху припечатает к чугунной колонне.

— Назад! — рывкнул кто-то над самым моим ухом.

Глеб появился сбоку так быстро, словно караулил нас за этими кадками. Его длинные пальцы с силой перехватили деревянную кромку фальшстены прямо над моими рука-

ми. Он сделал жесткий, короткий выпад вперед, принимая основную массу падающей конструкции на свое плечо, но инерция была слишком сильной. Его подало вперёд, и он буквально впечатал меня в эту проклятую фанеру, навалившись сзади. Пространство между нами сжалось до нуля.

Я оказалась зажата в тиски между падающей стеной и его тяжёлым телом. Моя спина упёрлась в грудь Глеба, и я слишком отчетливо почувствовала рваное, отрывистое дыхание — словно от этого внезапного физического усилия в нем сорвался какой-то внутренний заклинивший механизм. Прямо перед моим лицом, на деревянной кромке панели, судорожно сжались его пальцы. Широкий рукав свитера слегка задрался от усилия и на напряженном запястье я увидела давным-давно знакомую татуировку — чёрные ломаные линии, уходящие под рукав. Глеб зафиксировал вес стены, его серые глаза оказались прямо напротив моих. В них не было и капли романтики — только злая, темная сосредоточенность.

— Руки убери, продюсер, — процедил он, даже не думая отстраняться. — Пока пальцы не отдавило. Держите ровно! — гаркнул он уже рабочим.

Парни перехватили каркас, выравнивая конструкцию. Глеб медленно отступил на шаг, освобождая меня из капкана, и брезгливо отряхнул ладони.

— Оранжерею мне не разнесите, — сухо бросил он.

— Спасибо, — выдохнула я, потирая покрасневшие запястья.

— Не за что. У вас осталось двенадцать минут.

Панель со скрипом проплыла мимо кадки и исчезла в дверях, ведущих в галерею. Глеб развернулся и пошел обратно к своему крылу.

Мы успели в девять тридцать пять. Когда на телефоне сменились цифры, я сама подошла к бригадиру и сделала знак рукой: «Выключай инструмент». В доме мгновенно воцарилась объемная, почти осязаемая тишина. А в десять ноль семь во двор въехал представительский седан спонсора. Генеральный директор бренда прошелся по площадке, задал три коротких вопроса, одобрительно кивнул Кристине, которая к этому моменту уже сидела в кадре со своим дзен-стаканом теплой воды, и через двадцать минут уехал, удовлетворенный картинкой «дорогого минимализма». Для него всё выглядело идеально. Никому из этих столичных шишек не пришло бы в голову, что час назад владелица агентства стояла с секундомером, а сварливая рок-легенда удерживала декорации своим телом.

В середине дня, когда съемка наконец вошла в нормальный рабочий ритм, я сидела на подоконнике в пустом коридоре, проверяя электронные сметы.

Экран телефона мигнул. На нем загорелось имя: Антон.

Внутри меня мгновенно поднялась глухая, тошнотворная безразличность. Между нами давно не было никакой искры — только бесконечная усталость от его вежливой, ухоженной жестокости. Антон умел уничтожать красиво: без криков,

через юристов и правильные пункты в договорах.

— Да, — ответила я, прижимая трубку к уху.

— Привет, Яночка, — его голос в динамике прозвучал ровно, с той самой дорогой теплотой пиарщика со стажем, за которой всегда скрывалась пустота. — Смотрю, ты занята. У меня плохие новости. «Север Плюс» перенес твой ключевой платеж.

Я перестала листать таблицу.

— На сколько?

— Говорят, до следующей недели.

Мир за окном продолжал двигаться, липы хлестали по стеклу, а цифры в моей голове мгновенно перестроились в новый, смертельный порядок. «Север» был ключевым клиентом, их деньги должны были закрыть дыру прямо сегодня. И я слишком хорошо знала, что Антон дружит с их финансовым директором. Этот перенос был срежиссирован им от и до.

— Они обещали сегодня, — тихо сказала я.

— Теперь обещают в среду. А в пятницу, если ты помнишь, у тебя крайний срок платежа по нашему соглашению о разделе компании.

— Я помню.

— Ян, если не успеваешь, давай без цирка. Будет просрочка — автоматически запускается пункт по передаче твоей контрольной доли мне. Ты сама это подписала. Зачем злиться?

Я посмотрела на свое бледное отражение в темном конденсате стекла. Оно выглядело почти спокойным.

— Ты звонишь не предупредить, Антон, — произнесла я, чувствуя, как зубы сводит от ядовитой ненависти к его стерильному, безупречному тону. — Ты звонишь проверить, страшно ли мне. В трубке повисла короткая пауза, а затем Антон тихо, с едва различимым торжеством выдохнул:

— И?

— До пятницы еще три с половиной дня, — я отключилась первой, не желая слушать его дыхание.

Пальцы крупно дрожали. Я уткнулась лбом в холодное стекло, понимая, что через три дня «Аура Групп» — всё, что я строила последние двенадцать лет — просто перейдет этому мудаку за бесценок. Спрятаться было негде.

Глава 3. Тонкости гостеприимства

Прятаться было категорически нельзя, это стало ясно в последующие два дня. После истории с прямым эфиром и разбитой камерой я ещё наивно верила, что наше дальнейшее сосуществование с полусумасшедшим сведется к простой формуле: мы не лезем в жилое крыло, Глеб не лезет к нам, а через три недели все разъезжаются с максимально возможным числом сохранившихся нервных клеток. У усадьбы на этот счёт имелось собственное, не менее твёрдое мнение.

Глеб после нашей стычки практически исчез, но это меня совсем не насторожило. Я даже решила, что мы наконец договорились на нормальном взрослом уровне: он получил своё западное крыло, куда я немедленно запретила людям соваться даже без камер в руках, мы получили парадные помещения по договору, а остальное должен был решить здравый смысл.

Здравый смысл явился на следующее утро в лице бессменного хранителя усадьбы, представившегося Матвеем Ильичем. Это был единственный раз, когда я слышала его имя полностью, потому что окружающие называли его исключительно Матвеичем. Это был невысокий, сухой человек лет шестидесяти, с седыми волосами, стриженными явно не для красоты, а чтобы не лезли в глаза и не мешали работать руками. Он возник у парадной лестницы совершенно беззвучно,

в тот самый момент, когда двое наших ребят уже примерялись поставить тяжёлый кофр с оптикой на мраморный столик — узкий, на гнутых золочёных ножках, как оказалось, выполненный на заказ в начале прошлого века для перчаток и визитных карточек.

Его появление было так естественно, будто усадьба, почувяв опасность для собственного имущества, за секунду материализовала своего домового, порядком растрепанного и деловитого. Он посмотрел на кофр, потом на столик, и уж после этого на ребят — таким долгим и ровным взглядом, что через несколько секунд кофр уже стоял на полу сам, без единого произнесённого слова.

Поначалу я не придавала значения этому эпизоду.

Позже я узнала, что Матвеич здесь одновременно смотритель, охранник, хранитель ключей, единственный человек, который помнит, где проходит старая проводка и где перекрывается вода, и последний живой свидетель того, какой усадьба была до реставрации. Судя по всему, официальная должность в его трудовой книжке покрывала едва ли десятую часть того, чем он на самом деле здесь занимался.

В комплекте к Матвеичу шёл Кафка. В первый день я узнала о нём немного: старый и очень наглый серый крыс, живущий при Матвеиче на правах то ли питомца, то ли помощника смотрителя усадьбы, категорически не признающий понятия частной собственности и уже успевший стащить у нашего реквизитора блестящую заколку, которую по-

том принес Матвеич в весьма нетоварном виде. Самого преступника я в тот раз увидела лишь мельком — длинный серый хвост и подозрительно крупное для декоративной крысы тельце. Блеснув круглым любопытным глазом, Кафка выскользнул из-под руки Матвеича, и переместился на его плечо, а потом скользнул в теплый воротник плотной флисовой куртки.

Через два дня я уже была склонна подозревать, что Матвеич явно имеет какой-то личный интерес, потому что он методично, вежливо и совершенно без злобы начал перекрывать нам доступ примерно ко всему удобному, что было в этом доме.

Всё началось с главного входа. Тяжёлое оборудование через парадные двери проносить оказалось нельзя: дерево старое, ступени недавно отреставрированы, а металлические углы имеют скверную привычку оставлять на дубовых косяках отметины, которые потом не убрать никакой полировкой. Пришлось пустить всю разгрузку через хозяйственный двор, который на плане усадьбы выглядел соблазнительно близко к парадному крыльцу. После третьего рейса с осветительными приборами наши техники уже могли бы вести персональную экскурсию по северному фасаду усадьбы.

Возмущаться было решительно нечем. Матвеич оказывался прав каждый раз. Кофры действительно были тяжёлыми, а ступени — старыми. Дубовые двери ни в чём не провинились — просто человечество однажды решило снимать

рекламу косметики при помощи техники весом с небольшой автомобиль, и в этом было сложно винить дом девятнадцатого века.

Дальше настала очередь северной галереи — той самой, что идеально соединяла две наши съёмочные зоны: широкой, светлой, почти пустой, настолько удобной, что в первый день я мысленно поблагодарила архитектора. На второй день выяснилось, что катить по ней тележки нельзя: паркет только что отреставрирован и особенно чувствителен к большому весу. Мы предложили защитное покрытие. Оказалось, годится только определённое — без клеевой основы, с мягкой прокладкой по краям, без крепления непосредственно к полу. Такое покрытие у нас, разумеется, нашлось. И, разумеется, оно лежало в фургоне у хозяйственного входа — с противоположной стороны дома.

Самым неприятным было то, что каждый отдельный запрет оказывался абсолютно разумным.

Старинный стол в библиотеке действительно не стоило двигать: одна его ножка держалась не столько на реставрационном клее, сколько на честном слове самого реставратора. На балкон, который наш режиссёр заметил для одного короткого прохода героини кадра, действительно не стоило загонять семь человек съёмочной группы и камеру, просто эту страницу технической документации с официальными ограничениями по нагрузке в дыму подготовки к съёмкам я пролистнула мельком, опьяненная открывавшимися возможно-

стям.

Живые свечи в библиотеке запретили из соображений пожарной безопасности, на дым-машину неожиданно потребовалось отдельное согласование, а один из генераторов пришлось перенести за хозяйственный корпус — он, оказывается, стоял прямо под окнами западного крыла. Служебной лестницей разрешалось пользоваться строго до определённого часа.

И всё это было настолько логично, что временами мне отчаянно хотелось наткнуться хотя бы на одно откровенно идиотское требование — просто ради морального облегчения, ради права окончательно счесть Глеба самодуром и с чистой совестью его ненавидеть. Идиотского требования не находилось, и это бесило сильнее всего остального, вместе взятого. С настоящим самодурством я умела работать: его можно прижать договором, пунктом об аренде, в конце концов банальным здравым смыслом. А вот здравый смысл, методично выставленный против тебя же самого в полном боевом порядке, оказался куда более опасным противником, чем любая истерика избалованной звезды.

К исходу второго дня я научилась безошибочно различать два вида ограничений. Первые действительно принадлежали дому и существовали здесь задолго до всех нас: окна северной галереи закрывались только в строго определённой последовательности, каменные ступени в саду становились предательски скользкими после дождя, а одна дверь разбу-

хала настолько, что открыть её мог только Матвеич.

Ко второму типу правил приложил руку кто-то заметно современнее усадебной архитектуры. Эти ограничения появлялись слишком вовремя — ровно тогда, когда мы уже выставляли оборудование, и именно в тех местах, через которые собирались проходить. Обвинить кого-то в попытке сорвать съёмку было невозможно: каждый раз это выглядело просто неудачным стечением обстоятельств. Можно было лишь потерять сорок минут и ещё немного денег, которых у «Ауры» и без того оставалось катастрофически мало. И почти каждую такую новость мне приносил Матвеич — с видом человека, которому лично очень жаль, но правила есть правила.

После очередного явления Матвеича съёмочной группе наш осветитель, Костя, между делом вспомнил, что утром спрашивал у него, можно ли поставить две световые стойки у северной галереи, и получил разрешение. Через сорок минут разрешение исчезло. За эти сорок минут Женя успел увидеть Глеба и Матвеича у лестницы — те о чем-то говорили.

С этого момента война перестала казаться случайным набором бытовых неприятностей и обрела вполне чёткие очертания. Формально Глеб был собственником без года неделя, но вёл себя в усадьбе как человек, унаследовавший её вместе с фамильным серебром и правом первой ночи. По документам ему принадлежало право пользоваться жилым западным крылом и несколькими общими помещениями; «Аура

Групп» арендовала парадную анфиладу, часть галерей, часть двора и несколько технических комнат. Между нами оставалась узкая нейтральная полоса — главный холл, библиотека, одна лестница, кухня, несколько коридоров и выходы в сад. На бумаге эта система выглядела почти безупречной. На практике Глеб явно не считал ее таковой.

Вечер среды я встретила максимально разбитой. За два дня до часа X я впервые была готова уступить. Да, придется уйти в найм, чтобы закрыть долги и оплатить неустойки, ночью часами сидеть на удаленке, а потом строить все почти заново, зато я никогда не увижу больше презрительно-го взгляда Глеба Воронцова и не буду мотаться по чертовой усадьбе, пытаюсь везде успеть.

И в эту секунду я услышала гитару. Звук шел странно: старый камень усадьбы съедал верхние частоты, оставляя только глубокую, тяжелую вибрацию, которая била прямо под дых. Это была не проверка звука, Глеб играл «Четвертый сезон». Мелодия пошла сначала рвано, с трудом, а затем сорвалась в плотный, качающий ритм. Тот самый припев, под который я когда-то срывала голос в фан-зонах, веря, что музыка может спасти от любой беды.

Гитара за стеной затихла почти сразу, но мелодия отказывалась затихать вместе с ней — она осталась во мне, как остаются в ушах отзвуки после концерта, и все три с половиной часа, что я проваливалась без сна, «Холодный калибр» тихо играл где-то на подкорке, как будто синапсы, так дол-

го обходившиеся без допинга в виде рок-музыки одного бесовестного музыканта, теперь гудели, как пчелы в растревоженном улье и не желали спать.

На следующий день, едва дождавшись возвращения зрителя из хозяйственного магазина, я пошла к нему с одним ясным намерением: выяснить наконец, сколько человек на самом деле воюет против «Ауры Групп», потому что в одиночку даже Глеб Воронцов, при всей его звериной харизме, такую осаду выстроить бы не смог.

Комната охраны встретила меня пустотой и совершенно неуместным на её фоне уютom: четыре монитора, чайник, рация на зарядке и тишина. На одном экране трое наших тащили через двор стойки, один из них пятился впереди, придерживая дверь спиной. На другом — мокрые от дождя ворота. На третьем — неподвижная каменная ваза и лужа на дорожке, в которой мелко дрожало отражение серого неба.

Я уже повернулась к выходу, когда из соседней двери донёсся металлический стук, следом — негромкое ругательство, и звук чего-то маленького и твёрдого, покотившегося по полу. Дверь была приоткрыта. За ней обнаружилась причудливая помесь мастерской и кладовой. Вдоль стен висели связки ключей на гвоздях, фонари и инструменты, потемневшие от времени сильнее, чем от работы. На полках стояли стеклянные банки с шурупами, аккуратно сложенные мотки провода и предметы, назначение которых, кажется, человечество уже успело забыть.

Матвейч сидел за столом. У окна стол Глеб Воронцов, собственной персоной.

На столе, придавив передними лапами небольшой блестящий предмет, восседал Кафка. Вблизи он оказался крупнее, чем в тот день, когда я впервые его увидела. И заметно наглее. Старый серый крыс держал в зубах связку ключей с таким видом, будто был готов защищать её ценой жизни, и смотрел на двух взрослых мужчин с выражением существа, которое не видит ни одной причины возвращать законному владельцу незаконно приобретённое имущество.

Глеб заметил меня первым, и на его лице на секунду мелькнуло то, что я уже начинала узнавать: короткая внутренняя досада человека, застигнутого в момент, совершенно не подходящий тщательно поддерживаемому образу.

— Кажется, я вовремя, — сказала я.

— Если за ключами от подвала, то слишком поздно. Теперь они у Кафки, — сказал Матвейч, даже не обернувшись.

Крыс на секунду прижал добычу плотнее, будто подтверждая показания под протокол. Смотритель положил на край стола сухой ломтик яблока — Кафка вытянул шею ровно настолько, чтобы обозначить интерес, не выпуская из зубов главный трофей.

— Не отдаст, — заметил Глеб с улыбкой. — Он уже понял, что можно поторговаться.

Вот это было хуже всех разбитых камер, вместе взятых. К злему, неудобному, невозможному Глебу я уже почти при-

способилась. А Глеб, способный так улыбаться, моментально выбил меня из колеи. Матвейч тем временем добавил к яблоку орех. Кафка подумал секунду и, направился к добыче, позабыв о ключах.

— Продажная душа, — беззлобно заметил зритель, забирая связку.

Я подошла ближе и только тогда заметила рядом с рабочим журналом разложенный на верстаке план усадьбы. Несколько помещений были обведены в кружок. Рядом стояли две чашки — обе полупустые. Мне не нужно было больше ничего выяснять.

— Значит, мне не показалось, — заявила я, складывая руки на груди и награждая Глеба самым испепеляющим взглядом из своего продюсерского арсенала.

— Что именно?

— Что последние два дня Матвейч работает вашим карманным министром обороны.

— Почему это карманным? — обиделся Матвейч и с улыбкой мне подмигнул.

Я решительно шагнула к массивному столу, бесцеремонно отодвинула локтем кружку и крутанула чертеж усадьбы к себе. Красный карандаш. Этот партизан чертил жирные, агрессивные линии: северная галерея, служебная лестница, внутренний двор и выход в оранжерею.

Я посмотрела на Глеба.

— А вы, значит, совершенно случайно два дня подряд ин-

тересуетесь чертежами дома.

Он даже не попытался сделать невинное лицо. Ни тени раскаяния. В этот момент я почти готова была его придушить — и совершенно внезапно, к своему глубинному ужасу, почувствовала, как по коже пробежала горячая волна. Я стояла перед Глебом Воронцовым, и понимала, что просто не могу отвести от него взгляда. То ли вчерашние гитарные аккорды, то ли тот факт, что сегодня он был в старой концертной майке, заставили какую-то крошечную, но невероятно настойчивую часть меня совершенно бессовестно пожирать его глазами. От страха, что он сейчас это заметит, я физически не могла сделать нормальный вдох.

— Я хотел понять, что вам действительно разрешено.

— Зачем? – через паузу спросила я, наконец смахнув навajдение.

— Чтобы остальное запретить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.